

Длинные, изящные пальцы прижались к его левому веку, мерцающему едва заметным пурпурным светом. Лицо Цзи Яогуана мгновенно залило краской.

— Не слишком ли это... близко? — смущенно пробормотал он.

— Да что тут близкого? Мне что, красную нить тебе к запястью привязывать, как тем лекарям, чтобы через нее силу цедить? — Линь Чжао плотнее прижал ладонь к его глазу, ловя струящуюся в пальцы теплую волну, и разочарованно нахмурился. — Хм, почему так мало? Куда меньше, чем утром.

Если утреннюю порцию скверны условно принять за сотню единиц, то сейчас набралась от силы одна единица.

Цзи Яогуан неловко улыбнулся:

— Разве можно сравнивать? В первый раз ты забрал скверну, которую я копил долгие семь лет. А сейчас прошло всего двенадцать часов. То, что ты сумел поглотить хоть столько — уже чудо.

Будь скорость ее накопления столь велика, разве выжил бы он в Океане Руин Демонов так долго? Он бы давно превратился в Великое зло, не уступающее мощью Божественным останкам Сюанью.

Линь Чжао разочарованно убрал руку:

— А те мертвецы за стеной? В них есть эта скверна?

— Есть, — подтвердил Цзи Яогуан. — Пурпурное солнце хоть и губит все живое, но вместе с тем подавляет порождения бездны. Ночью же, когда его свет гаснет, они выходят на охоту. Поэтому люди в темноте жгут Священное дерево — его пламя отпугивает нечисть.

Именно поэтому с приходом сумерек жизнь в этих краях замирает. Земли вассальных государств хоть и прошли очищение, им далеко до священной почвы Шаманского царства, никогда не знавшей осквернения. На глубине сотен чжанов под нашими ногами все еще тлеет яд катаклизма. Великих чудовищ он уже не породит, но разум живых отравляет исподволь, делая их мнительными и гневливыми. Так что в нашем мире по ночам безопаснее спать.

Линь Чжао посмотрел на бурлящую внизу орду мертвецов.

"А что, если их здесь так много, что получится разом подняться до уровня божественного Золотого ворона? Было бы славно..."

Цзи Яогуан мягко улыбнулся. Увлечши за собой юношу, он спрыгнул с крыши грибного

домика. Замерев на краю изумрудной стены, он взгляделся в темноту, а затем взмахнул рукавом, призывая тотем призрачной маски. В мгновение ока одна из тварей оказалась прямо перед ними, плотно спелёнутая призрачным коконом. Наружу торчала лишь гниющая, яростно клацающая зубами голова, тщетно пытающаяся укусить стоящего ближе всех Линь Чжао.

— Попробуй, — с мягкой улыбкой предложил Цзи Яогуан, пододвигая кокон поближе к юноше.

Линь Чжао инстинктивно отпрянул. Кожа пошла мурашками. Глядя на омерзительную харю, у которой одно глазное яблоко вывалилось и сиротливо болталось на сосудистой ниточке, он перевел взгляд на свои тонкие пальцы. Сделав глубокий вдох и собрав всю волю в кулак, он вырастил на ладони сияющее золотое перо и вонзил его прямо в череп твари. Используя перо как проводник, он попытался втянуть скверну.

Мертвец в то же мгновение рассыпался серой пылью, скопившейся на дне призрачного кокона. На вид праха вышло от силы со щепотку.

Линь Чжао замер, изо всех сил стараясь уловить хоть малейший отзвук силы, но в итоге лишь разочарованно выдохнул:

— Ничего. Вообще ничего не чувствую.

Цзи Яогуан вновь повел рукой. Призрачная маска со свистом метнулась вниз и тут же вернулась, держа новую добычу. На этот раз в коконе билось нечто, напоминающее летучую мышь-переростка с длинным, похожим на иглу хоботком. Ее кости были переломаны, а сама она уже превратилась под давлением тотема в бесформенное месиво.

Линь Чжао повторил попытку. Странная тварь мгновенно истлела, оставив после себя пригоршню праха весом в несколько цзиней. На этот раз он ощутил легкое покалывание, но настолько слабое, что оно легко могло сойти за обман чувств.

— Бесполезный хлам, — недовольно поморщился он.

Цзи Яогуан почему-то почувствовал себя виноватым и поспешно произнес:

— Понимаю. Похоже, чтобы насытить твою родословную, требуются чудовища как минимум ранга Человека или ранга Земли.

— Нет, — покачал головой Линь Чжао. — Дело в чистоте. Мелочь бесполезна, сколько ее ни поглощай. В Океане Руин я каждый день резал тварей посильнее этих, а толку? Разве что тело крепло понемногу, да и только.

Линь Чжао вновь коснулся его левого века:

— Твоя левая глазница — другое дело. Вот где настоящий источник.

Но едва пальцы легли на веко, поток силы прекратился. Глаз под его подушечками казался выточенным из теплого, безупречно гладкого нефрита. Ровное, живое тепло так и манило, мешая отнять руку.

— Так он у тебя стеклянный? — мгновенно оживился юноша. Почувяв выгоду, он вкрадчиво протянул: — Брат Яогуан... а, брат Яогуан?

— И не думай. Если бы я мог отдать его тебе, я бы сделал это без колебаний, — со вздохом осадил его Цзи Яогуан. — Но у него нет физического воплощения. Я позволил ему слиться со своим левым глазом, а затем запечатал его силой врожденного тотема. Стоит мне выпустить его наружу — и неизвестно, сколько ты успеешь поглотить, но государство Ди и половина Шаманского царства точно обратятся в руины.

— Что же это за дрянь такая могущественная? — поразился Линь Чжао.

Цзи Яогуан на мгновение умолк, а затем негромко рассмеялся:

— Я дал клятву Отцу-богу хранить молчание. Когда мы доберемся до Шаманского царства, он сам все расскажет тебе, если сочтет нужным.

Линь Чжао не стал упорствовать. Раз уж из-за этой тайны Цзи Яогуана, сына шаманского бога и, по сути, стратегического оружия целого царства, отправили в ссылку, неприятности там крылись поистине чудовищные. Он предпочел сменить тему:

— Кстати. Если мы станем косить этих тварей на стенах, нам за это хоть что-то заплатят?

— Разумеется, — улыбнулся Цзи Яогуан. — Собранный прах обменивают на дрова у любого сигнального поста. Шесть мешков пепла на одну вязанку. Вот и вся награда.

Линь Чжао поглядел на серую кучку праха на призрачной маске и расхохотался:

— Ну ты и голова садовая! Зачем отдавать долю посредникам? Ты же сам можешь вырастить деревья прямо из этого пепла!

Цзи Яогуан застыл, пораженный простотой этой мысли.

Он зачерпнул горсть пепла. Из его ладони тут же потянулись тонкие зеленые ростки. В куче праха на призрачной маске тоже зашевелились десятки веток, и через мгновение перед ними лежала аккуратная вязанка свежих дров.

Линь Чжао вытянул одну ветку и сразу нахмурился, почувствовав неладное.

От дерева исходила едва заметная, почти призрачная аура порчи. Сомнений не было: если разжечь такой костер ночью, он не только не отпугнет чудовищ, но и послужит для них маяком.

— Теперь понятно, почему тебя выставили за дверь, — вздохнул Линь Чжао, глядя на притихшего юношу, заворуженно созерцающего ветви.

Он накрыл его ладонь своей. В то же мгновение с кончиков его пальцев сорвалось золотое пламя, охватившее ветку целиком. Яркий свет разогнал ночную тьму, озарив их лица, оказавшиеся совсем рядом друг с другом, мягким ореолом.

— Прямо как в сказке про девочку со спичками, — улыбнулся Линь Чжао. — А дрова отличные. Давай-ка я помогу тебе их разжечь!

Пламя Золотого ворона дотла выжигало скверну, даря чистый свет и тепло. Цзи Яогуан мягко улыбнулся и разжал пальцы, позволяя пылающей ветке упасть вниз.

— М? — Линь Чжао, умилявшийся собственной доброте, удивленно воззрился на него. — Что такое?

Цзи Яогуан молча поднял ладонь, покрытую свежими волдырями от ожогов, и с укоризной протянул:

— А-Чжао... горячо же!

— Раньше я тебя тоже жег, и ничего, никаких волдырей не было, — ворчал Линь Чжао в их маленьком домике.

Он наблюдал, как Цзи Яогуан срывает листок со своего венца и с его помощью выдавливает из лопнувшего ожога крошечный золотой огонек. Лишь после этого рана на коже бесследно затянулась.

— Твое нынешнее пламя обжигает куда сильнее прежнего, — заметил Цзи Яогуан, глядя на золотую искру, весело пляшущую в воздухе. — Похоже, ты открываешь новые грани своей родословной. Поздравляю.

Линь Чжао попытался воскресить в памяти то мимолетное ощущение, и на его пальцах снова распустились огненные венчики. Теперь он отчетливо понимал: жар этого пламени при

желании можно раздуть до температуры на поверхности солнца. Куда мощнее прежнего огонька, который едва ли превосходил обычную кухонную горелку.

Он принялся увлеченно баловаться с искрами, словно ребенок с новой игрушкой, а затем шутливо поднес руку к лицу Цзи Яогуана:

— И даже от такого жара ты отделался лишь парой пузырей? А ты крепкий старый пенёк, как я погляжу.

— Какой еще старый? По древесным меркам я сущий росток! — Цзи Яогуан вжался в циновку в углу домика, отворачиваясь от опасно близких пальцев. — Не подходи! Я редчайшее дерево, порча госимущества карается по закону!

— Ну и сожгу, и что ты мне сделаешь? Пойдешь жаловаться страже? — покатывался со смеху Линь Чжао, глядя на его отчаянные попытки спастись. — Ладно, шутки в сторону. Брысь отсюда в соседнюю комнату. Твоему повелителю пора спать.

Этот день выдался чересчур насыщенным: плен, кровопускание, прибытие в город шаманов, бесконечное ожидание заката... Пора было наконец дать телу и разуму передышку.

Цзи Яогуан поднялся и не спеша расправил запутавшиеся звенья своих многочисленных цепочек и амулетов.

— Тогда желаю моему повелителю приятных снов, — с мягкой улыбкой произнес он.

Когда он уходил, его украшения тихо зазвенели в полумраке. Этот мерный, убаюкивающий перестук подействовал на Линь Чжао странно умиротворяюще. Юноша сладко зевнул, свернулся калачиком в углу комнаты и закрыл глаза.

Выйдя наружу, Цзи Яогуан опустился на пороге дома, устремив задумчивый взор вдаль, где все еще кипело яростное ночное сражение.

Грохот битвы и крики воинов не тревожили его слух. Воспоминания о тех временах, когда он сам плечом к плечу с другими защищал эти рубежи, казались бесконечно далекими — словно это было в другой жизни, сотни перерождений назад.

Он осторожно коснулся обожженной ладони. Боль все еще покалывала кожу, но на лице его блуждала странная, почти восторженная улыбка.

После того рокового выбора он уже очень давно не чувствовал настоящей боли.

Яд катаклизма коварен: сначала он пожирает плоть, затем добирается до семи душ По, а

напоследок растворяет саму личность, подчиняя разум воле бездны. Когда это случится, он перестанет быть собой, превратившись в порождение чумных земель.

Именно поэтому в Океане Руин он без устали запечатывал каждую тварь, что попадалась ему на пути.

Он прекрасно знал: когда пробьет час, именно он станет величайшей угрозой для всего Шаманского царства.

Цзи Яогуан долго смотрел на далекий край неба.

"Отец-бог, я колеблюсь. Только что я поймал себя на мысли... Если кто-то посмеет причинить ему вред, я ведь могу и не сдержаться"

Он горько усмехнулся, закинул руки за голову и прислонился затылком к прохладной стене.

Ему тоже безумно хотелось спать. С тех самых пор, как он ступил в Океан Руин Демонов, он не смыкал глаз ни на мгновение, панически боясь, что, заснув, проснется уже кем-то другим.

"Все-таки дереву и птице суждено быть вместе. Птице ведь нужно только клевать гусениц, а вот дереву... дереву приходится думать обо всем на свете"

<http://bllate.org/book/20648/2140742>